

— Нѣтъ, не тебѣ, а мнѣ,—сказалъ морозъ,—потому что онъ меня больше боится...

— Полно вамъ вздоръ молоть,—перебилъ обоихъ вѣтеръ:—не вамъ мужикъ кланялся, а мнѣ.

И начали они между собой спорить и ссориться.

— А коли такъ,—сказало, наконецъ, солнце,—то спросимъ лучше самого мужика

Догнали они мужика и спрашиваютъ

— Скажи, мужикъ, кому изъ насъ троихъ ты отдалъ поклонъ?

— Вѣтру,—отвѣчалъ мужикъ.

— Ну, что? вѣдь говорилъ я, что не вамъ, а мнѣ!—сказалъ вѣтеръ.

— Такъ я жъ его какъ рака испеку!—сказало солнце.—Будетъ онъ меня помнить.

— Не испечешь,—говорить вѣтеръ,—какъ начну я вѣять и охлаждать его, такъ не испечешь.

— Ну, такъ я его, бездѣльника, заморожу!—сказалъ морозъ.

— Полно, старина! перестану дуть, такъ безъ меня не заморозишь.

И побрелъ мужикъ своей дорогой и, цѣлъ и невредимъ.

Медвѣдь.

Жиль-быль старикъ со старухой, жили они одни, дѣтей у нихъ не было. Захотѣлось старухѣ медвѣжьего мяса и говоритъ она старику: — Иди, старикъ, въ лѣсъ за медвѣжьимъ мясомъ.

Слѣзь старикъ съ печи, взялъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ медвѣдя искать. Хо-

диль - ходиль по лѣсу, вдругъ видить — подъ деревомъ крѣпко спить медвѣдь. Старикъ, недолго думая, замахнулся топоромъ, отсѣкъ медвѣдю лапу, схватилъ ее и пустился домой бѣжать. Пришелъ и говоритъ женѣ:

— Ну, старуха, вари теперь медвѣжьей лапу.

Старуха ощипада съ медвѣжьей лапы шерсть, содрала кожу, а мясо поставила варить. Пока варилось мясо, она постлала кожу на лавку и сѣла на нее шерсть прядь.

Медвѣдь ревѣлъ-ревѣлъ отъ боли, да, нечего дѣлать, привязалъ себѣ деревяжку и пошелъ къ старику въ деревню; подошелъ къ избѣ, стучить клюкою въ дверь и поетъ:

„Скирлы, скирлы, скирлы,	По деревнямъ спять;
На липовой ногѣ,	Одна баба не спить,
На березовой клюкѣ.	На моей кожѣ сидить,
Всѣ по селамъ спять,	Мою шерстку прядеть,
Мое мясо варить“.	

Испугалась старуха, видить—дѣло плохо, погасила лучину и говоритъ старику:

— Садись, старикъ, въ кузовъ, я тебя надъ дверью повѣшу, а сама на печь спрячусь.